

«ЧИСТАЯ КНИГА»

«Чистая книга» — пожалуй, самое проникновенное и мудрое произведение Федора Абрамова, оставшееся незавершенным. Он думал над книгой и собирал материалы 25 лет. Первые заметки сделаны были в 1958 году, а первые главы будущей книги написаны начисто в 1983 году. Смерть оборвала начатую работу. Но остался огромный архив. Писателем были уже продуманы композиция первой книги, характеры и судьбы героев, социально-философская проблематика трилогии. Всё это сохранилось в многочисленных заметках, планах, набросках, в собранных документальных материалах, в письмах и интервью.

Поначалу, в 1958—1960-х годах, роман был задуман только как роман о гражданской войне на Пинеге. О замысле писатель рассказал на встрече с земляками-писателями 26 июля 1960 года. В «Пинежской правде» сохранилась запись выступления Абрамова:

Далее Федор Александрович говорит, что он второй год собирает материалы о гражданской войне на Пинеге.

— Архивные материалы о событиях на Пинеге не сохранились, но благодаря усилиям пенсионера А.П.Никulina многое удалось собрать и уточнить историчность военных действий и установления советской власти на Пинеге.

В этом году мы решили повторить маршрут красноармейского отряда Щенникова и Кулакова, который он проделал в 1918 году. С Усть-Вьи до Верколы мы проплыли на плотике. На плотах преодолевали это расстояние и освободители Пинеге 42 года назад. По окончании сбора материала приступлю к написанию художественного произведения.

В записных книжках лета 1960 года было много записей об этой поездке. Одна из них:

От Вьи до Нюхчи (путь отряда Щенникова)

Горой 70 км, а рекой? Русло не разработанное. Река пробивается в огрубых берегах, поросших угрюмым ельником. Как труба. Ветер навстречу свищет. Пронизывает до костей. Прибивает к берегу. Замерзают пальцы. Мерзнут руки. Вода леденеет на шесту. А шест часто не достает до дна. И дико кругом. Ни одного селения. Ни одного

следа человека. Куда едем? Будет ли конец этому? Что за край? Наконец на повороте показалась деревня Кучкас.

Постепенно замысел разросся, возник план эпопеи в трех или четырех книгах, охватывающих события от революции 1905 года до репрессий 1937 года. 22 февраля 1978 года запись в дневнике:

Во время прочеса леса на лыжах после обеда родилась дерзкая мысль написать трилогию о России. Первая книга — Россия перед революцией, вторая книга — Россия в гражданской войне, третья — 37-й год. Резня. Контреволюция. Самодержавие в пролетарских одеждах.

События должны были разворачиваться на Севере, на Пинежье, куда прибыли ссыльные после поражения революции 1905 года.

Книга должна была вместить весь жизненный и духовный опыт Абрамова, его многолетние размышления о судьбе России, о русской истории, русском характере, о путях развития России и всего человечества, о сложной природе человека, о смысле и назначении человеческой жизни.

В книге должны были предстать все социальные слои русского общества: крестьяне (богатые и бедные), купцы, лесоторговцы, промышленники, революционеры всех мастей, народническая интеллигенция, духовенство. 25 февраля 1980 года писатель заметил: «Надо постараться, чтобы в книгу вошли все основные народные типы — как социальные, так и психологические». Люди разных убеждений и верований, разных устремлений. Одних увлекала революция, других — путь обогащения, третьих — теория малых дел, четвертые искали праведной, чистой жизни. Писатель хотел показать, какие цели, какие идеалы двигали людьми и отдельными партиями. Он хотел приобщить читателя к главному — каким должен быть человек, его душа, его помыслы и деяния, «как жить свято», по совести. Одна из заметок (30 мая 1980 года) так и называлась — «Россия ищет себя»:

Разные поиски, разные пути:

1. Поиски в народной гуще (мечты о Беловодье, миграция в Сибирь, на тучные земли). Жил-жил и неплохо, да вдруг снялся — не удержать. Не такова ли и Россия? Странничество, бродяжничество — в крови у русских. Набожность (староверы), общинная жизнь.

2. Церковь. Анникий. В области духа христианство — самая великая революция.

3. Революционеры, экстремисты разных мастей.

4. Культурничество и просветительство.

5. Деловая жизнь. Болтовня все эти рассказы о новой жизни. Новую жизнь надо строить. Дороги, города, фабрики, заводы.

На встрече с музейными работниками на Соловках в июле 1979 года Абрамов говорил о содержании задуманного романа:

Россия начала XX века. Народ и интеллигенция на Севере — духовные костры. Споры о судьбе России. Настало время, когда Россия и русский человек нуждаются в осмыслении нашего исторического опыта.

Весной 1981 года писатель работал в Архангельском архиве, изучал материалы о прошлом области и Пинежского района, об экономике, о деятельности земства, крестьянских кооперативов. А летом 1981 года совершил поездки в Еркино, Кушкополу, в Пустозерск (на место заточения и сожжения протопопа Аввакума). Летом 1982 года он проехал на Пинеге по местам, связанным с жизнью Марии Дмитриевны Кривополеновой, великой сказительницы, которая должна была стать одной из центральных героинь книги.

В июне 1982 года в беседе с корреспондентом «Книжного обозрения» Абрамов сказал: «А если говорить о главной работе, над которой размышляю многие-многие годы — это книга о России, о социальных и духовных исканиях в канун революции».

В личном архиве писателя сохранились буквально тысячи записей, заметок, набросков к трилогии, которые он вел 25 лет. Он изучал архивные материалы, вел постоянно беседы со старожилками и участниками гражданской войны, вел переписку с бывальными людьми, собирал дневники и воспоминания людей, помнивших прошлое. И, конечно, читал и перечитывал социально-историческую, философскую и художественную литературу XIX—XX веков, связанную с проблематикой книги. Он хотел обобщить и по-своему осветить те вопросы, которые ставили Тургенев и Герцен, Аксаков и Чернышевский, Л.Толстой и Достоевский, К.Леонтьев, Вл. Соловьев, Н.Бердяев, народники, марксисты, сторонники теории малых дел и религиозные деятели (в частности, Иоанн Кронштадтский).

Федор Абрамов всегда восхищался народной культурой русского Севера: обрядами, обычаями, песнями, играми, поэтическим словом. Он не раз говорил мне, что в «Чистой книге» хочет воссоздать всю эту красоту, поэтический мир деревни, все богатство народной души, которая отразилась в обрядах, песнях, плясках, хороводах, игрищах, гуляньях, в ремеслах и в богатейшем народном слове.

Красоту народного быта, праздников и обрядов Абрамов застал еще в детстве, впитал ее и пронес через всю жизнь. Она обогатила его как художника и мыслителя, и он не раз возносил хвалу вековым народным традициям, мечтал увековечить их в последнем романе.

В архиве хранятся более двадцати объемистых папок, в которые сам писатель рассортировал и документальные материалы и свои заметки по темам. Перечислю названия только некоторых папок: «Север, Пинега», «Природа», «Нравы, обычаи, быт», «Песни, частушки, заговоры, молитвы», «Жизнь Архангельска, Пинеги, ссыльные», «Иван и Володины», «Кривополенова М.Д.», «Полонский, Калинин, местная интеллигенция», «О монастырях, об И.Кронштадтском, о вере». Хранятся еще несколько общих тетрадей с воспоминаниями старожилов и более двадцати записных книжек с записями бесед и впечатлений от поездок по Северу.

Федор Абрамов долго искал название задуманной книги. Сперва в 1950—1960-е годы название было чисто условным — «Война на Пинеге». В 1964 году появилось название — «Обезглавленная Россия», в 1976 — «Русское поле», с эпитафией: «Направо пойдешь — коня потеряешь. Налево пойдешь — дом потеряешь, прямо пойдешь — себя потеряешь».

И только в 1978 году он нашел название, которое отвечало глубинному смыслу трилогии. О том — запись в дневнике 28 мая:

«Чистая книга»... Вот как будет называться роман о дореволюционной России. А может быть, и вся трилогия, если удастся написать. Название пришло неожиданно и не без помощи Федора (друг Ф.Ф.Мельников.— Л. К.). Вечером, после ужина, гуляли по заливу, разговаривали о «Доме», а потом я перебрался как-то к своим замыслам о книге, посвященной дореволюционной России. Стал рассказывать придуманную легенду о берестяной книге, написанной Аввакумом в яме, незадолго до сожжения, сказал:

— А что если назвать роман «Берестяной книгой»? Или «Белой»?

— Чистой, — поправил Федор.

И тут мы все трое поняли: вот название, которое давно ищем. Очень емкое, оригинальное и в то же время мое.

А на следующий день, 29 мая, появилась развернутая заметка о сути «Чистой книги»:

Легенда: в русском народе живет предание о Чистой книге, книге, написанной самим Аввакумом незадолго до казни.

Чистая книга писана в крошечной темноте, в яме, но она вся так и светится, потому что она написана святым человеком.

Человек, сподобившийся прочитать эту книгу, зревает на всю жизнь. Из слепого делается зрячим. Он постигает всю правду жизни. И он знает отныне, как жить, что делать.

Но Чистая книга дается только чистому человеку. И до нее надо дорасти. Отсюда — принцип личного само-совершенствования.

Чистая книга живет в народе. Она, может быть, в груди старых книг, которые лежат у тебя под божницей. Но ее не прочитать каждому. Она дается или дается только чистому человеку. И задача — стать чистым, стать достойным Чистой книги.

В легенде о Чистой книге вся Россия, весь русский человек со своими сильными и слабыми сторонами.

Сильная — стремление к чистоте, к праведной жизни.

Слабая — надежда на чудо. Не сам человек делает жизнь, а надеется на других. Отсюда легенды: Град Китеж, Беловодье, Белый скит...

В последующие годы он не раз еще осмыслял найденное название.

30 апреля 1979 года в заметке к роману: «Открыт весь смысл жизни человеческой. Сразу счастливым и блаженным станешь. Но чтобы открылась Чистая книга — надо самому быть чистым, дорасти до нее». 20 июня 1981 года другая заметка: «Трагедия России в том, что эту Чистую книгу хотели прочесть и даже присвоить себе нечистые».

Абрамов был увлечен работой над «Чистой книгой» и считал, что это будет его лучшая вещь. В дневнике он нередко отмечал дни и ночи, когда им безраздельно завладевали мысли о романе. Таковы, например, записи от 30 марта, 4 мая, 24 и 25 декабря 1979 года:

Великий день. Открылась философия «Чистой книги». Жизнь в своих истоках всегда чистая, и нравственная высота человека определяется тем, насколько он близок к этим истокам, в какой мере он несет в себе эту чистоту, насколько он художник, творец... Мера отсчета — Махонька.

Весь вечер накануне одолевало творческое томление. Это как в природе перед грозой. И вот гроза разразилась. Проснулся в пятом часу утра — весь переполнен «Чистой книгой». Сколько-то минут противился, старался выдерживать режим — нет, ничего не вышло. Пришлось включить свет.

5 часов писал непрерывно. В постели. А потом и после завтрака до трех часов не выпускал из рук пера. И вот что значит творческий подъем! И вечером не заснул. До полдвенадцатого бодрствовал.

Вот и кончился сон — с 5 часов утра ворочался и не спал. А причина — писательский зуд. Сегодня, кажется, сложился, наконец, сюжет романа, касающийся интеллигенции.

Схватка между революционерами-профессионалами (ничего не умеющими делать) и культурниками, просветителями, поборниками теории малых дел, людей, которые худо-бедно на глубинке делают жизнь.

С утра рабочее, даже духоподъемное настроение. Весь день разбирал бумаги (по всему кабинету раскидал) и кое-какие из них, особенно заметки к «Чистой книге», перечитывал. Здорово! Роман обещает быть удивительным... И мне ли после этого тужить по поводу всех подлостей, которые творят нечистивцы из «Правды»...

Многие дневниковые записи подобного рода приведены в книге Федора Абрамова «Так что же нам делать?» (СПб.: Журн. «Нева», 1995).

В декабре 1982 года после тяжелой осенней операции он радовался, что теперь вплотную начнет работать над романом. 25 декабря записывает в дневнике: «Теперь — “Чистая книга”. Теперь недели, месяцы, годы сплошного упоения, хотя, конечно, будут муки, проклятья, черные провалы». 31 декабря: «Прощай, черный год эхинококка. Да здравствует светлый год “Чистой книги”. Господи, задыхаюсь от счастья: завтра окунусь в бумаги “Чистой книги”. Только бы не утонуть. 83-й год может стать годом великой радости. Если, конечно, пойдет “Чистая книга”... Дед Мороз! Не обойди меня со своей котомкой, в которой разносишь здоровье. Мне нужно здоровье, много здоровья, тогда — да будет “Чистая книга”».

В январе-апреле 1983 года Абрамов работал над первой частью первой книги, написал 18 глав, одновременно делал заметки к другим главам.

Начало романа и черновые наброски к нему впервые опубликованы в журнале «Нева» (1998. № 11. С. 22—109). Отдельной книгой более полный вариант издан в 2000 году к 80-летию Абрамова.

Писатель считал, что книга о прошлом станет книгой остросовременной, ибо корни происходящего в стране надо искать в спорах и делах людей начала XX века.

По охвату событий, по глубине проблематики, по разнообразию характеров, по осмыслению истории России и человеческих судеб «Чистая книга» могла бы стать одной из лучших книг XX века.

«Чистая книга» еще ждет своих читателей и истолкователей. Здесь я обращаю внимание лишь на самые важные проблемы и открытия Абрамова — художника и мыслителя.

Несомненно, самой яркой фигурой в книге предстает Махонька (прототип ее — великая пинежская сказительница Мария Дмитриевна Кривополенова). Можно даже сказать, что Махонька — художественное открытие Абрамова. Такой самобытной и великой личности не было не только в русской литературе, но и в мировой. В ней писатель увидел безграничные возможности человека, силу духа, нравственную чистоту, умение нести свет и добро людям.

Недаром именно с Махонькой он связывал социально-философскую и нравственную проблематику книги, в ней нашел искомую высшую точку миропонимания. Самые важные записи о Махоньке сделаны 7 и 8 марта 1980 года:

Разные люди, разные судьбы, разные поиски смысла жизни. Крестьяне, странники, скоморохи, старoverы, интеллигенты разных мастей. И среди них — Махонька.

Ей все интересно, ей все любопытно. Она ко всем льнет и всех одаряет своим искусством. Все ищут, все выходят из себя. А ей чего разоряться? Она счастлива. Ее вполне устраивает своя судьба, своя жизнь.

Она знает — не умом — всем существом своим: как ни переделывай жизнь, ничего не сделаешь. Все зависит от того, какой ты сам. Взыскан судьбой, золотом осыпан — а несчастен, жалок и беден. И наоборот: гол как сокол (вроде нее), а счастлив. Счастье в тебе самом.

Конечно, она не против того, чтобы была справедливость в жизни (много несправедливости), но еще важнее себя на правильную дорогу поставить. А правильная дорога — жизнь по душе — и с коробкой в руке хорошо...

А самое удивительное: Махонька — верховный судья! Все томился: нет интеллигентной вышки в «Братях», вот будет в «Чистой книге», когда введу интеллигенцию. Ан нет. Махонька всему судья. Она выше оказалась и интеллигентов и людей из народа. Выше и мудрее.

Поразительно: у Махоньки, неграмотной Махоньки, свой широкий и самый правильный взгляд на мир, на жизнь, на человека. А впрочем, чему удивляться? Ведь она (в отличие от других) наиболее полно несет в себе исторический опыт всей нации.

Махонька, как Платон Каратаев, но только во плоти <...>

Она равнодушна к богатству, ибо уверена: богатство человека не в сундуках. В самом себе. Когда ты нищий духом — ты бедный, хоть золотом тебя осыпь. А божья краса — разве не богатство? Леса, луга поля. Да это золото не каждому дается. Для этого надо быть богатым изнутри. Сколько в человеке богатства, настолько он и богат...

На замечания ссыльных, что они хотят помочь бедным, чтобы такие, как ты, не были нищими, Махонька отвечала:

— Ну, я-то не нищая. Самая богатая... Все леса, все небеса, все земли мои. И в прошлом, и в настоящем, и в будущем... Хорошо бы пожить хорошей жизнью. Кто против. Но только эта хорошая жизнь не через кровь. На крови ничего хорошего никогда не рожалось.

По дорогам истории она так же легко и свободно расхаживала, как по своим пинежским <...>

Махонька обладала способностью переноситься в воображении из XX столетия в X, из избы во дворец, из зимы — в лето.

Особенно радовался Абрамов, когда нашел финальную сцену в судьбе Махоньки. Запись в дневнике 7 февраля 1982 года:

Махонька, дорогая моя Махонька! Как открылась, какой небывальщиной обернулась! Гражданская война, мрак над Россией, кровавая резня, и вот она ищет помощи у соседей (хочет подвигнуть их), а соседи парализованы страхом. И тогда Махонька за подмогой идет в прошлое, в прожитые века. Но там везде — и у князя Владимира, и у Ивана Грозного — везде русская беспечность, пьянство. И тоже междоусобицы. И народ беспечен.

На путях-дорогах встречает лишь попика (молитвенника народного, похожего на Аникия), который молит Бога о просветлении россиян, о том, чтобы Господь не допустил гибели России.

И что делает Махонька?

Она отправляется на поле брани, чтобы примирить враждующих.

Ахнуть можно, как это здорово!..

В общем, Махонька хочет спасти людей. Победить болезнь, которой они заражены. Излечить от болезни безумия... Да, безумия. А как иначе назвать это — убивать людей? Самое святое, самое дорогое на земле.

Конечно, Махонька — гениальная натура, высший тип личности. Но светом ее мудрости оценивается в книге все происходящее. К ней тянутся и крестьяне и лучшие, взискующие правды интеллигенты. Чистая жизнь, чистые люди, как маяки: Махонька, батюшка Аникий, молодой Артемий, Гунечка, Иван Гаврилович Копанев. А рядом — люди, ищущие чистой и праведной жизни — Юра Сорокин, братья Иван и Савва, врач Полонский, учитель Калининцев. И много еще лиц, которые заблуждаются, ошибаются и нередко очищаются страданием — Олена Копанева, Огнейка, Максим Дуринин.

Рядом с ними встают умеющие хорошо и радостно трудиться, для которых «жизнь — это работа», «работа — это праздник». Таков Иван Гаврилович Копанев.

Всегда ровное настроение. Всегда доволен, всегда жизнь в удовольствии. Пахота, посев, сенокос. Всегда праздник. Жалел тех, кто не видел красоты. Не жил суетой человеческой. С природой жил. Люди работы страшатся — а он только на работе и отдыхает <...> жалел гольтыбу не за то, что у них ничего нет, а за то, что они не ведают радости от работы. Встать рано, вдохнуть утренний воздух, росу, солнышко увидеть, как проклюнулось зерно — да с чем это сравнить?

А они, беднота, обокрали себя. Бедные. Нищие духом... Я весь мир беру, а они от мира-то что берут? Сотую часть. И какая бы власть ни была, так они с соткой в руке и останутся.

Путь восстановления России Абрамов связывал с культурой труда и быта, с культурой власти. «Россия никогда еще не работала в полную силу — в этом ее беда... Научиться работать — первоочередная задача России».

Писатель подчеркивал, что в России не сложились трудовые культурные традиции. «Работа дураков любит — поговорка на Руси». Нередко отвращение к труду, в чем повинны и рабство, «труд на барина, непосильный труд», и невоспитанность — «с детства привлекали к труду не красотой, а палкой или куском хлеба. А те, кто работал ради красоты, почитались чудаками. В общем, вековая отсталость народа, рабство и барство, невежество, избалованность просторами, природными богатствами, пренебрежение к быту, мелочам».

Потому столь важна на Руси роль интеллигенции, культурного слоя страны. Им надлежало «сеять разумное, доброе, вечное», просвещать народ, насаждать культурный быт, опираясь одновременно на лучшие вековые народные традиции. Ибо культурный человек, по убеждению Абрамова, это не обязательно человек с высшим образованием. «Культурным человеком... может быть и неграмотная старуха, неграмотный старик. Культурный человек определяется, прежде всего, своим строем души, минимальным эгоцентризмом и самой широкой открытостью людям», совестью и добросердечием.

Поэтому в «Чистой книге» Абрамов хотел объединить культурные потоки народной среды и интеллигенции. Это могло быть осуществлено земством.

Писатель встал на защиту теории малых дел, подчеркивая, что без учителей, врачей, школ и больниц, без строительства дорог, бытового благоустройства невозможно развитие страны. Он считал первоочередной задачей страны — «культурный слой нарастить. А у нас этот культурный слой не наращивают, а то и дело сдирают». Уничтожалось трудовое крестьянство под видом кулаков, уничтожалось духо-

венство, интеллигенция, не согласная с любой диктатурой — классовой или экономической, когда под флагом свободы совершалось разграбление страны.

Диву даешься, как легко отказались сегодня даже в среде интеллигенции от вековых идеалов справедливости, добра, чести, совести. Та пассивность и равнодушие, против которых так рьяно выступал Абрамов, снова захлестнули общество.

«Чистая книга» должна была быть пронизана социально-философскими размышлениями автора и героев о путях развития России, о смысле жизни. Многочисленные заметки подобного рода собраны писателем в отдельную папку «К философии романа». Привожу наиболее значимые из них. Эти прозорливые, провидческие суждения Абрамова звучат актуально и сегодня. Они помогают нам не только осмыслять прошлое, но и думать о современности, постигать ту главную национальную идею, которая должна помочь возрождению России.

29.X.1973

Россия нуждается в утверждающем слове. В положительном идеале... Идеалы славянофилов непригодны. А официальная идеология уже давно скомпрометировала себя. Нужно новое знамя. Новое знамя.

18.III.1974

Вся история России XIX века — это искание путей справедливого устройства народной жизни.

Одни (славянофилы, Достоевский, Толстой) все упования свои возлагали на духовное, нравственное обновление человека.

Другие (разночинцы, марксисты) — на социальное возрождение.

Задача: воссоединить эти пути в единое целое. Ибо игнорируя человека, его нравственную природу, нельзя что-либо сделать путное, как нельзя достигнуть результатов и противоположным путем. Одно дополнить другим. То и другое решать одновременно.

17.VI.1978

Самая великая демократия на Земле — философия нравственного самосовершенствования, самовоспитания. Но она должна быть дополнена наукой домостроительства, то есть учением о постройке такого дома, такого общежития, где бы возможно было совершенствование человека.

17.X.1978

Судьба России — давать свет миру, человечеству. Главная статья ее экспорта — духовный хлеб, духовные ценности. Россия никогда не устроит жизнь на своей земле. Но она даст негасимый свет миру. В этом ее назначе-

ФЕДОР
АБРАМОВ

ЧИСТАЯ КНИГА

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ РОМАН

«Чистая книга» —
титул

Санкт-Петербург
2000

ние. Назначение в том, чтобы отрывать, поднимать человечество от земли к небу.

8.X.1981

Извечная русская беда — отсутствие правосознания в обществе (да и общества у нас не было).

Но был, был в русском народе другой свод законов — неписанный свод, свод души во главе с матушкой совестью.

Да, да, все судилось законами совести. И еще в деревне — законами общины.

Русская литература, как известно, восстала против буржуазного порядка, основанного на законах права, правах, которые не сделали жизнь людей более человеческой, а людей более близкими друг к другу.

А именно братство всех людей — была заветная русская идея.

Русская литература подняла знамя совести, милосердия, сострадания... И этот свет привел в восторг Запад. Так увидели Россию.

Без правопорядка нельзя. И нам, русским, никогда не хватало его. Не хватает его и сейчас. Но сам по себе — и

не это ли одна из причин кризиса европейской цивилизации — правопорядок еще мертв. Его надо дополнить, осветить светом совести (в западных языках даже термина этого нет), неписанными, даже, если хотите, не поддающимися формулировке, но вечно живыми законами души.

Федор Абрамов был уверен, что первоочередная задача России — «объединить разных русских под знамена демократизма, человечности и братства».

Он постоянно внушал себе и читателям: мы не бессильны. Каждый из нас может противостоять злу словом, делом, добротой, чистотой помыслов и устремлений.

И потому он веровал: «Не красота, а чистота спасет мир. Красота бывает страшной, опасной, а чистота всегда благодетельна, всегда красива. К чистоте надо вернуться».

Он верил в возрождение России. «Пока есть искусство, пока есть Махоньки, Лизы, которые несут в себе всю историю, Россия не пропадет. Она пустит свои корни заново. Как зерно, которое пролежало в сосудах глиняных три тысячи лет».

И не случайно писатель хранил среди заметок к «Чистой книге» письмо читательницы, которая приводила слова-обращения из газеты военных лет. Они были созвучны сокровенным идеям самого Абрамова.

Перед современными людьми встает задача огромных размеров, задача эта — духовная.

Каждый из нас, жаждущих светлого будущего, должен признать себя творцом этого будущего и должен взять на себя перевоспитание собственной души.

Светлые страницы истории создаются душой народа, а она слагается из всех нас, из наших помыслов и вожделений, из наших верований, надежд и стремлений.

Первым шагом к такому перевоспитанию будет перенесение ответственности за все совершающееся с внешних причин на внутренние.

Вторым — яркое сознание своей ответственности, своего непрерывного участия в создании этих причин.

Мы должны помнить постоянно, что нашими помыслами и стремлениями, если они мелки, нечисты и себялюбивы, мы заражаем внутреннее настроение нашего народа, и никакие учреждения, если бы они были совершенными, не сделают нас счастливыми, если Душа Народа отравлена внутренней нечистотой.

Мы должны постоянно помнить, что наша невидимая связь со всеми другими до того тесна и неразрывна, что, очищая себя, мы тем самым очищаем и других, поднимаясь, мы поднимаем всех. Размер влияния зависит от размера наших сил, но все равно, велики они или малы — влияние наше несомненно!